МУРЗИЛКА
№ 10
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов
ОКТЯБРЬ
1957

А. НЕКРАСОВ
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Про воду

Без воды не проживёшь. В пустыне иной человек обходится кружкой воды в день. А в городе и ведра на день не хватит. Чаю напиться нужно? Обед приготовить нужно? Посуду помыть, самому помыться, бельё постирать — всё нужно. Улицы полить в жару, катки устроить зимой — на всё нужна вода.

Вот и выходит, что большому городу, такому, как Москва, где живут миллионы людей, воды нужно целую речку. Да и речки не всякой хватит.

Было время, Москва пила из Москвы-реки. Водовозы заезжали прямо в реку, длинными черпаками наливали бочки и везли по улицам. Везли и кричали:

— Воды! Кому воды?!

А москвичи выходили на крик и разбирали воду — кто ведро, кто два, а кто и полбочки. Разбирали и сливали в кадушки. Такие кадушки были в каждом доме, в каждой квартире. Запас воды всегда нужен.

А то ещё колодцы рыли, прямо во дворах. И с утра, как просыпался город, первым делом спешили люди за водой — кто с ведром, кто с ушатом, кто с бочкой.

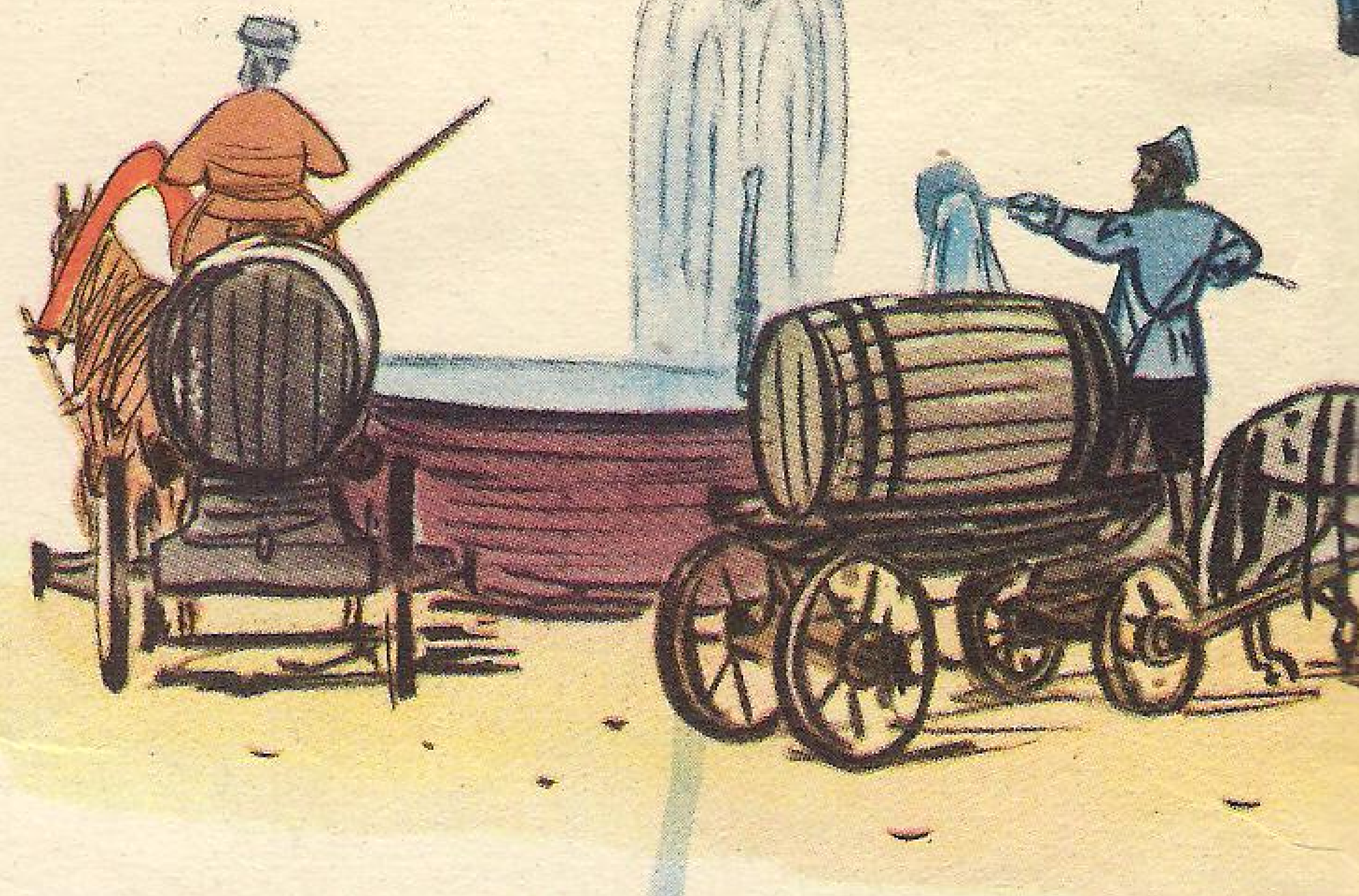
И хорошо, если человек жил близко от воды. А если подальше?

Вот и стали думать: нельзя ли так устроить, чтобы вода сама бежала туда, где она нужна? Вот бы устроить такие ручьи, чтобы прямо к дому привести воду!

Хорошо бы, да вот беда: с высокого места на низкое вода сама бежит, а с низкого на высокое бежать не хочет.

В других городах, где горы рядом, там из горных речек проводили воду к домам. А в Москве таких речек не оказалось.

Нашёлся один большой ключ на горе, да только далеко — в Мытищах, километров за пятнадцать от города. И хоть далеко, а всё-таки провели от него воду в са-



мую середину Москвы, на площадь Дзержинского — тогда она Лубянской площадью называлась.

Это и теперь нелегко провести такой ручей, а в то время, двести лет назад, и вовсе было трудно. По земле не проведёшь — сбежит вода в низину, там и останется. Пришлось строить ручей на каменных столбах. Они и сейчас ещё стоят, эти столбы, высокие и стройные. И поверху их, в каменных берегах все пятнадцать километров бурным потоком бежала вода. Сбегала в каменный пруд на Лубянке, а оттуда её разбирали в вёдрах и в бочках — кто как.

Полегче стало городу, но хорошо бы так придумать, чтобы прямо к дому, а то и в дом привести воду!

Двести лет назад не сумели этого сделать, а сто лет назад сделали. Только не ручейком, а по трубам провели воду с Лубянки на Солянку.

Там уже тогда стоял огромный дом, тот самый, в котором теперь помещается Артиллерийская академия.

Лубянка высоко стоит, а Солянка — низко. И бежала вода по трубам, закопанным в землю, прямо к этому дому, а там по тонким трубкам разбегалась во все концы здания. На концах трубок устроили краны, как у самоваров, — откроешь кран и наливай воду.

Это и был первый водопровод в Москве.

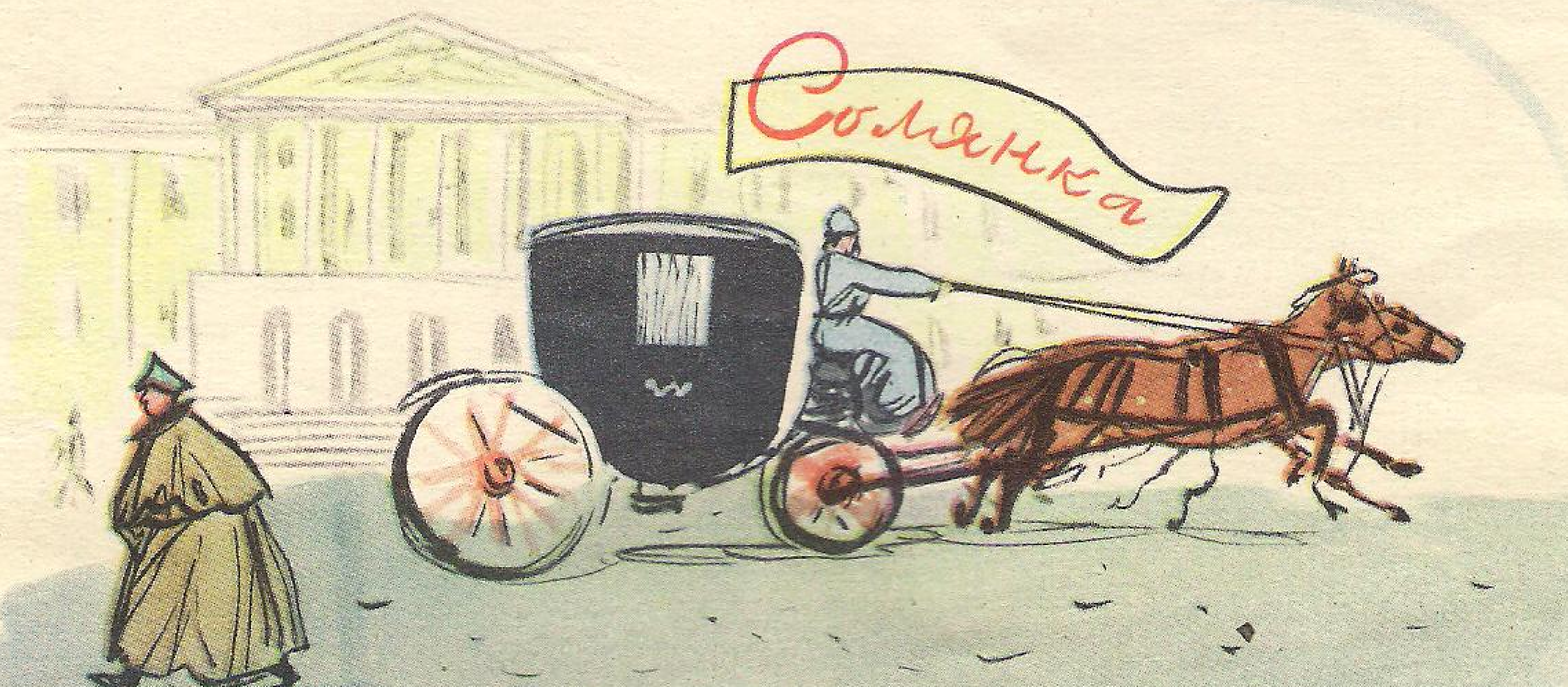
Да опять беда: с Лубянки на Солянку, сверху вниз, вода сама бежит. А если повыше? Хорошо бы устроить пруд или большой бак, который стоял бы выше всей Москвы — на столбах, или гору насыпать и на ней поставить. А из бака по трубам пустить воду. А вот как в этот бак наливать воду? Если в бочках возить — очень дорого обойдётся, а если насосами вручную качать — пришлось бы полгорода поставить к насосам. Машин тогда не было. И только много лет спустя, когда появились паровые машины, поставили их к насосам.

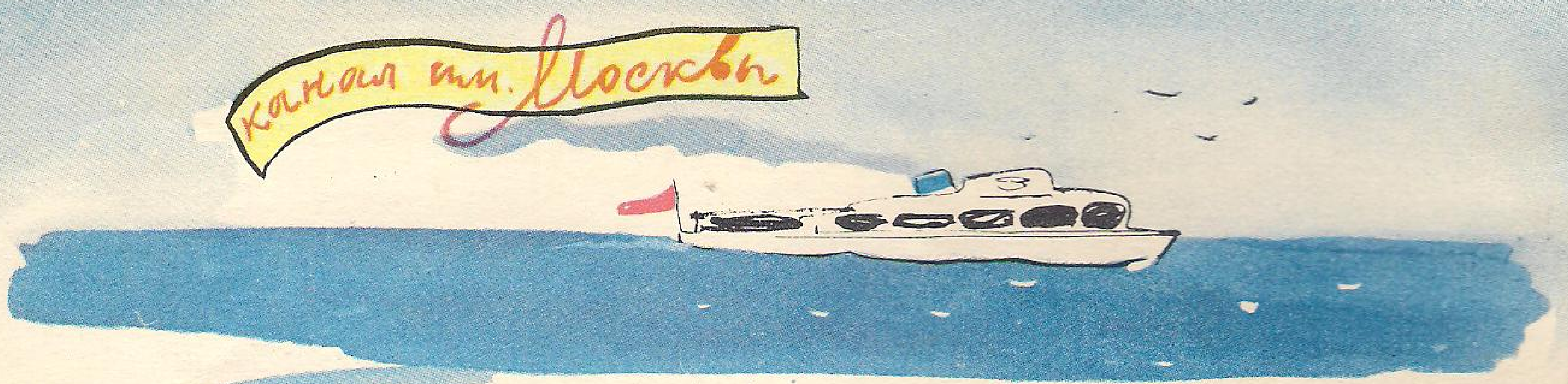
На Ленинских горах — их тогда Воробьёвыми горами называли — построили огромный водоём и оттуда к Москве провели толстые чугунные трубы. От толстых труб во все стороны провели трубы потоньше, от тех ещё тоньше — прямо в дома.

А на Воробьёвы горы тоже по трубам гнали воду, качали насосами из реки. Только воду из реки забирали не в городе, а повыше. В городе вода грязная. Пройдёт дождь, растает снег — и вся городская грязь стекает в реку. Такую воду и пить-то не захочешь.

В старину мутную воду цедили через рядно и ставили на отстой. Постоит вода в кадушке день-другой, вся муть, вся грязь осядет, а сверху чистая вода.

На весь город через рядно воды не нацедишься. Устроили по-другому: сделали баки-цедильники, фильтрами их называют, туда положили уголь, а на уголь чистый мелкий песок, а потом песок покрупнее, а потом мелкие камешки, а сверху покрупнее камни. Мутную воду напустят в фильтр; она, пока сочится через камни, и через песок, и через уголь, всю грязь и муть оставит и выходит из фильтра чистая, как ключевая. Но всё равно и эту





чистую воду нужно отстоять. Не в кадушках, конечно, а в больших водоёмах-отстойниках. А оттуда, из отстойников, уже и в город можно воду пускать. Так и делали.

А город всё рос. И по всему выходило, что и дальше ему расти. И когда лет тридцать назад заглянули инженеры вперёд, подумали о наших сегодняшних днях, посчитали, сколько воды нужно будет Москве, оказалось, что город Москва речку Москву до дна выпьет к 1937 году. Где уж там улицы поливать! На питьё не хватит!

Задумались, как помочь этому горю. Дошло дело до Советского правительства, до Центрального Комитета партии. Там подумали и решили: из Волги привести воду к Москве.

Построили канал, все низины обнесли запрудами, сделали большие, как моря, озёра, в них накачали волжскую воду, а потом уж из этих озер стали брать воду для города. По каналу корабли пошли из Москвы к Волге и с Волги к Москве.

А чтобы очистить воду, между водохранилищем и городом построили небольшие крытые водоёмы. Вода в них стоит, отстаивается и от всякой заразы освобождается. В хранилищах в воду добавляют лекарство, которое все болезни убивает. А чтобы наверняка, чтобы не ошибиться, всё время из этих водоёмов берут немножко воды и проверяют, нет ли в ней вредных микробов. А потом уж проверенную воду по толстым трубам, таким, что и взрослый человек может в трубу пролезть, качают в город и там по тонким трубам подают в дома, в квартиры, на этажи.

По одним трубам вода идёт к домам. По другим грязная вода стекает из города. А то ведь если её на улицы выпускать, такая грязь разведётся, что и не пройдёшь.

И ещё есть трубы в городе для горячей воды.

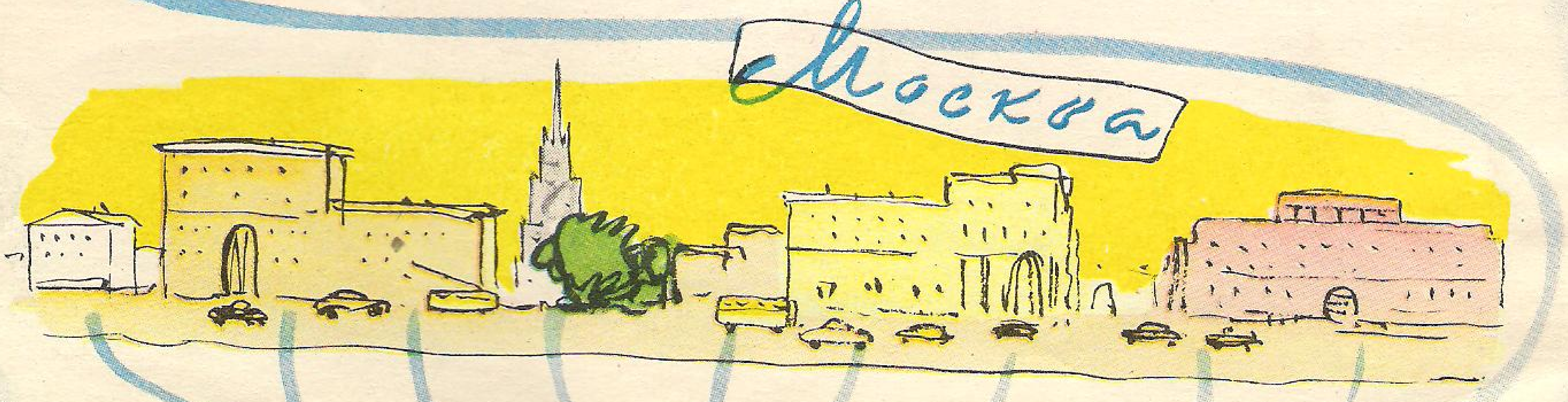
Прежде каждый сам себе воду грел, когда нужно, а теперь с электрических станций горячую воду качают прямо в дома.

Там, на электрических станциях, столько горячей воды, что раньше её просто в речку спускали, и в Москве совсем ещё недавно бывало, что зимой в самый лютый мороз река не замерзала от этой горячей воды. Обидно эту воду в речку спускать — вот её и качают в дома.

Сложное в городе хозяйство: и трубы, и насосы, и отстойники, и фильтры, и хранилища, и водоёмы, и стоки... За всем этим нужно следить, чтобы в городе всегда была чистая, здоровая, вкусная вода, чтобы её на всё хватало.

Вот за этим и следят работники московского водопровода. Следят, чтобы нигде трубы не прорвало, чтобы зря вода не тратилась, чтобы в самый высокий дом приходила вода, чтобы каждый москвич вдоволь пил, чисто мылся, чтобы город был чистый, чтобы катки зимой были залиты.

Пойдёшь умываться, подумай об этих людях и скажи им спасибо.



Щенок Медеи

Паоло ЯШВИЛИ

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

По квартире и по саду
Ходит мой весёлый пёс.
И туда, куда не надо,
Он суёт свой глупый нос.

Если муха зажужжит,
Уши пёс насторожит.
Но зато варенья смело
Съел он целое кило.

Удивительное дело —
Как в него оно вошло?
Пёс не более мизинца,
Ест, как мишка из зверинца.

Нет покоя мне теперь.
То порвёт мне платье зверь,
То погонит маляра
Громким лаем со двора,
То набросится на кошку,
То грызёт у стула ножку.
— Грубиян, разбойник злой!
Убирайся с глаз долой!

Вы подумайте, легко ли
Было мне сегодня в школе?
От звонка и до звонка
Вспоминала про щенка.

Может, этот озорник
К папе в комнату проник,
Может, книжку разорвал,
Может, дыню своровал,
Может, мамину иголку
Проглотил он втихомолку?!

Так и есть! Попал в беду.
Бегал маленький в саду,
И у домика улитки,
Что направо от калитки,
Злая жёлтая оса
Искусала,
Истерзала
Перепуганного пса.

Я — в аптеку,
Я — к врачу,
Я калеку
Излечу.
Мазью лучшею, медовою
Мажу мордочку бедовую.

— Я сменю тебе повязку,
Расскажу больному сказку.
Поправляйся, не скули,
Хоть немножко подремли.

Только б жар спадал скорее!
Я пойду в „Галантерею",
Ленту синюю куплю,
Банты синие на шею,
И на лапку, и на ушко,
И на хвостик нацеплю.
Хочешь, дам тебе подушку?
Хочешь, платье подстелю?
Лай, пожалуйста, на кошку,
Отгрызи у стула ножку.
Не услышит пёсик мой:
„Убирайся с глаз долой!"

Перевёл с грузинского
В. БЕРЕСТОВ

Весна

Е. ЛУНИНА

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Позже всех в класс явился Ефимка. Звонка ещё не было, но многие ребята уже разложили на партах буквари, ручки, карандаши и перочистки. А Мария Ивановна раздавала тетрадки.

Ефимка шмыгнул к своей парте и тихо уселся на место. Как ни в чём не бывало он полез в сумку за букварём. А в это время ребята с первой парты увидели на добела вымытом сухом полу мокрые тёмные отпечатки.

Сразу стало ясно, что кто-то явился в класс с мокрыми ногами.

— Смотрите, смотрите! — показал на следы Петя.

И все ребята захлопали крышками парт, поднялись и, правда, увидели чьи-то следы.

Они тянулись от двери к учительскому столу, потом по проходу к четвёртой парте. Из-под этой парты выглядывала пара чёрных тупоносых валенок. А вокруг каждого валенка стояло на полу небольшое озерко. Никакого сомнения не было, что с мокрыми ногами пришёл Ефимка.

— Елисеев, поди сюда, — позвала Ефимку к себе учительница.

Ефимка встал и, чавкая отяжелевшими валенками, подошёл к учительнице.

Тут только ребята заметили, что лицо у Ефимки красное, волосы прилипли к вспотевшему лбу, как они были под

шапкой, а голубые весёлые глаза широко раскрыты.

— Ефим, что случилось? Что это значит? — Учительница показала на мокрые Ефимкины валенки.

— Утонул я, Мария Ивановна, — сказал Ефим.

В классе поднялся шумок.

— Как утонул, где? — заволновалась Мария Ивановна.

— Так вот, утонул. Пошёл через ручей по льду и провалился, — признался Ефимка.

— Что же нам теперь делать, Ефим?

— А что?

И Ефимка услышал от Марии Ивановны как раз то, чего больше всего боялся:

— Отправляйся поскорее домой!

— Не пойду, — возразил Ефимка.

— Ведь нельзя четыре часа сидеть с мокрыми ногами.

Но Ефимка взял да и стащил с себя валенки.

— А босому можно заниматься? — с надеждой спросил он.

— Ни босому, ни мокрому. Бери сумку и уходи сушиться, — велела Мария Ивановна.

Ефимка хотел было снова влезать в мокрые валенки, но с последней парты к доске прибежала Зойка.

— Вот, пускай наденет мои пуховые! — Зойка протянула Ефимке свои пушистые серые носки. — Они жаркие.

Ефимка хотел сейчас же надеть на себя носки, но они оказались малы ему.

— Не налезают, — с досадой сказал Ефимка.

Тут ребята все заговорили, повскакали с мест; кто советовал Ефимке натянуть всё же носки, кто сам начал разуваться. Но самое удачное предложение сделала Паша.

— Мария Ивановна, у меня валенки с калошами, — сказала она. — Валенки я дам Ефимке, а сама калоши поверх носков надену. Тогда Ефимке будет тепло, и мне тоже. Можно?

— Конечно, можно.

Мария Ивановна пристально поглядела на Пашу, будто давно её не видела. И Паше вспомнилось, как однажды она пожалела для Ефимки лишнее пёрышко. Но это случилось давно. Ещё в начале учебного года, когда они первый раз пришли в школу. Длинную зиму проучились они вместе. А теперь снег на полях обмяк, грачи прилетели, и солнце целыми днями светит в окна.

Паша тут же скинула с себя валенки и отдала Ефимке. Ефимка влез в тёплые Пашины валенки, а свои отнёс на печку сушиться к сторожихе Тане.

А когда прозвенел школьный колокольчик, Ефимка вместе со всем классом сел за свою парту. Ребята успокоились, притихли. И урок начался.

Матрос с Балтики

Слышал ли ты когда-нибудь про Анатолия Железнякова, геройского красного матроса Железняка?

У него был один путь в жизни — путь революционной борьбы. И он погиб в этой борьбе. Его убили в неравном бою враги.

Он мог спастись, отступить под натиском врагов, но не таков был Железняк.

Сорок лет прошло с того времени, но до сих пор живёт среди нас имя Железняка.

В этом номере журнала напечатаны три рассказа о Железняке. Первый рассказывает о том времени, когда Железняк скрывался от преследования полиции, которая хотела заслать его на каторгу за подпольную революционную работу. Он плавал тогда кочегаром торгового флота на Чёрном море. Вторые два рассказывают о днях после Октябрьской революции.

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Турецкая девочка

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

„Принцесса Христина“ покачиваясь на мелкой прибрежной волне, входила в порт небольшого турецкого города Ризэ.

Железняк стоял на вахте внизу, в кочегарке. Он не видел города, который, словно расцвеченный попугай, прицепился на морском берегу. Но по командам сверху догадался, что пришли к месту назначения.

Железняк давно ждал этого: хоть на время он будет свободен. Куда захотел, туда и пошёл. Захотел налево, захотел направо, и никто не смотрит тебе в спину, не выслеживает.

«Шр-шр-шр», — зашуршала машина, и «Принцесса», вздрогнув последний раз, замерла.

Грязный, в изодранной тельняшке Железняк выскочил на верхнюю палубу. Яркое солнце ударило ему в глаза. Он даже зажмурился с непривычки. И тихо кругом. Ни рокота моря, ни стука машины, точно всё на земле примолкло.

Железняк замер, и сразу всё плохое, что беспокоило его эти дни, пропало. Он забыл про голодовку, про тяжёлую работу и угрозу ареста.

Послышалась русская брань. Это офицер Бюллер, который командовал разгрузкой, ругал турецких грузчиков.

Высокий, на тонких кривых ногах, обтянутых твёрдыми голенищами сапог, Бюллер всё ещё чертыхался, когда подошёл Железняк.

— Что, ваше благородие, не можете добиться согласия? Может, помочь?

Тот зло посмотрел на молодого красивого матроса.

— Попробуй. Да скажи им, чтобы поживей работали, а то прогоню.

Железняк подсел к грузчикам. Это были уже немолодые люди, сухие, жилистые, привычные к трудной жизни.

Он попросил у них закурить, и те щедро отсыпали ему табаку.

— Кочегар? — спросил один из них.

— Кочегар. Почему не работаешь, дост[1]?

— А как работать, — замахал руками старик, — когда твой начальник кричит — слова разобрать нельзя. Нехороший человек!

Помолчали. Потом Железняк договорился с грузчиками об условиях работы, и разгрузка началась. Железняк тем временем выкупался в море, переоделся и пошёл в город.

Ризэ — городок чистый, с кривыми улицами. Хорошо бродить по такому городку, не зная ни

[1] Дост — друг (по-турецки).

улиц, ни людей! Идёшь, идёшь, а заблудиться не боишься, потому что всё время слышишь пошёптывание моря: «Я здесь, я здесь...»

Грузчики прошли из порта — те самые, с которыми Железняк договаривался о работе. Они молча кивнули ему и, заложив руки за спину, сутулые, усталые, свернули за угол. Тут же появилась девочка. На голове она несла большой кувшин: видно, с вином. И только она свернула за угол, как Железняк услышал русскую речь:

— Эй, турка! Остановись, нехристь треклятая! Братцы, отымем у неё винцо.

Железняк повернул обратно и увидал трёх здоровенных казацких унтеров, один из которых тянул из рук девочки кувшин. Тянул он не крепко, потому что не хотелось ему вино разливать, но лицо было озлоблённое и жестокое.

Ещё не соображая, что делает, Железняк подскочил к казаку, схватил его и поднял на воздух. Никто бы не поверил, что такого детину можно так легко поднять. Но унтер висел на вытянутых руках матроса и болтал громадными ножищами. А потом, легко и плавно, совершив короткий перелёт, упал к ногам двух других унтеров.

На шум прибежали грузчики. Казаки посмотрели на грузчиков, зло глянули на Железняка.

— Ничего, матросня, мы ещё с тобой повстречаемся... — И ушли ни с чем.

Грузчики снова заложили руки за спины и раскачивающейся походкой, будто неся тяжёлый груз на плечах, пошли своей дорогой.

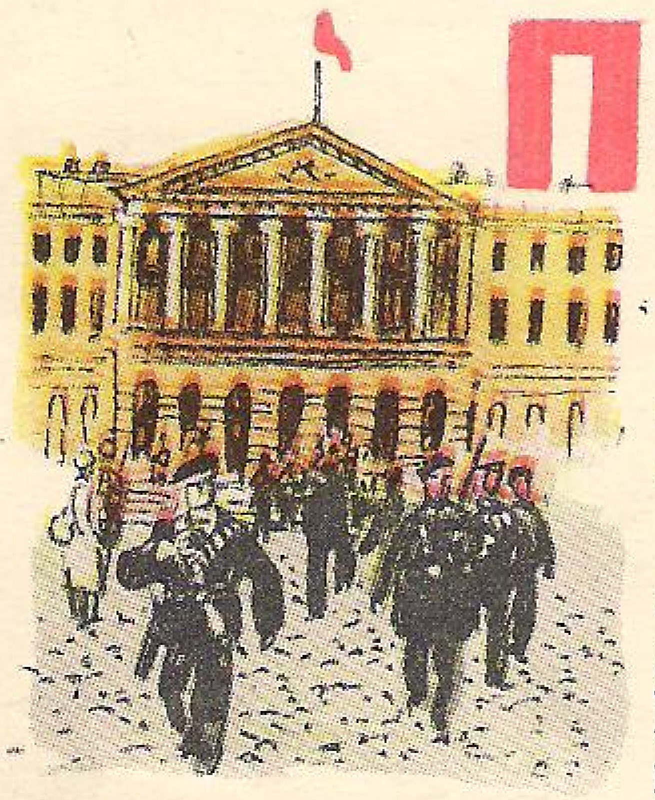
Девочка поманила Железняка пальцем. Робко, испуганно она улыбнулась ему и указала на кувшин. Железняк догадался, взял кувшин и, вытянув губы трубочкой, осторожно стал пить. Вино было свежее, чуть с кислинкой и, может, не очень вкусное. Но Железняк пил долго, не спеша. Потом отдал девочке кувшин и звонко причмокнул языком, выказывая этим своё удовольствие. Девочка рассмеялась и убежала.

А Железняк ещё долго бродил по маленькому турецкому городку, слышал пошёптывание моря и думал:

«Теперь казаки донесут на меня капитану и, может, даже докопаются, что я беглый военный матрос, и тогда для меня уготовлена прямая дорожка на каторгу». Так думал Железняк и крутил от досады головой, потому что совсем ему не хотелось идти на каторгу.

И всё же он не жалел, что заступился за незнакомого человека в чужой стране.

Есть по-матросски!



Петроград красный! Там победила революция. А в Москве засели царские офицеры, и рабочим отрядам трудно было с ними сладить. И красный Петроград решил послать москвичам на помощь своих верных людей.

Железняка вызвали в штаб революции, в Смольный, и вручили ему мандат. Партия отправляла его в Москву.

Горячий нрав у Железняка: раз посылают — значит, время не ждёт, — и вот он уже на Николаевском вокзале ищет комиссара отряда.

Комиссар Еремеев, строгий, молчаливый человек, старый большевик-подпольщик. Он берёт мандат у молодого стройного моряка, пожалуй, даже слишком лихого, и читает. И вдруг его лицо расплывается в широкой улыбке:

— Да это Железняк! Здравствуй, здравствуй! Вот ты какой ладный!

А Железняк ждёт приказаний, ему не терпится приняться за дело.

Еремеев говорит:

— За дело так за дело! Понимаешь, не можем составы сформировать. Железнодорожное начальство отказывает: нет-де вагонов, паровозов нет, и машинисты в разгоне. А Москва ждёт. Так что помоги, дорогой товарищ, по-матросски!

— Есть по-матросски!

Скоро в кабинете начальника вокзала появились Железняк и с ним несколько балтийцев.

Начальник вокзала, полнеющий господин, слушает их спокойно.

— Вагонов? Нет!

— Паровозов? Тоже нет.

— Машинистов? Нет.

Начальнику вокзала скучно, потому что сколько можно повторять одно и то же.

— Нет? — переспросил Железняк и повернулся к матросам: — Действуйте!..

А сам Железняк развалился в мягком кресле. Удобно сидеть Железняку — значит, можно и подождать. А начальник вокзала волнуется...

Дверь открывается, и входит балтиец.

— Разрешите доложить, товарищ командир, — говорит он и весёлыми глазами смотрит на Железняка. — Вагоны есть!

Снова открывается дверь.

— Паровозы в полной исправности найдены, товарищ командир!

И тут же входят несколько рабочих. Их легко узнать по закоптелым лицам, по большим, натруженным рукам. Бывшему кочегару Железняку не трудно определить профессию этих людей.

— Машинисты? — спрашивает он.

— Точно, они самые, товарищ матрос, в полной боевой.

Железняк встаёт.

— Счастливо оставаться, гражданин начальник! — Он вытягивается в струнку и вежливо добавляет: — Спасибо за помощь! Надеюсь, мы ещё встретимся...

Но начальник вокзала молчит, потому что у него нет никакого желания встречаться с этим матросом.

А через несколько часов три тяжёлых железнодорожных состава, пыхтя и набирая скорость, отправились в Москву.

Вся власть Советам!

Чугуев захватили юнкера. Выбрали городскую думу из местных богачей и не признавали советской власти. Рабочие готовили восстание.

На помощь им пришёл бронепоезд балтийцев под командованием Железняка и осадил город.

Буржуи не выдержали артиллерийского обстрела и попросили матросов прекратить стрельбу из пушек.

Тогда Железняк решился на отчаянный поступок. Он с двумя товарищами пошёл в город, чтобы заставить думу передать власть рабочим.

Их было всего трое — Железняк и ещё двое матросов. Они стояли позади Железняка, увешанные гранатами и молчаливые, готовые в любую минуту прийти к нему на помощь.

А тех, в городской думе, было побольше сотни. Когда голоса затихли, Железняк прогремел на весь зал:

— Мы требуем полного разоружения юнкеров и передачи власти рабочим и крестьянам!

Этого, конечно, члены думы не ожидали.

— А-а-а!.. Бей их! — закричали эти важные, толстые и худые господа.

— Расстрелять! — вопили эти старые и молодые господа, которым больше всего на свете не хотелось расставаться со своим богатством и властью.

Прибежали юнкера, защёлкали затворы винтовок. Они направили штыки на матросов, а к Железняку подошли двое его товарищей и стали с ним плечом к плечу.

И вдруг в наступившей тишине раздалось отдалённое уханье пушек.

— Это наш бронепоезд, господа депутаты, предупреждает вас! — сказал Железняк.

Штыки винтовок юнкеров, направленные на матросов, дрогнули.

Где-то недалеко от думы началась винтовочная пальба.

— А это восстали рабочие Чугуева! — всё так же спокойно сказал Железняк.

Тогда юнкера повернулись и бросились к выходу. Но тут голос Железняка загремел с такой силой, что перекрыл выстрелы и топот ног убегающих юнкеров:

— Назад! Именем советской власти приказываю сдать оружие!

Товарищи Железняка заняли пост у дверей, и все юнкера сложили винтовки. А господа депутаты городской думы, которые только что хотели убить Железняка и его товарищей, не произнесли ни слова, точно язык проглотили.

Когда отряд матросов, покидая Чугуев, проходил мимо бывшей городской думы, на её фасаде бился на ветру новенький красный плакат: «Вся власть Советам!»

Сашкина земля

Андрей ***ШМАНКЕВИЧ***

Рис. А. ***ЛИВАНОВА***

Пятый день ходили люди толпой за председателем революционного комитета и землемером по станичным полям. Свершалось важное революционное дело: земля, которой испокон веков на Кубани владели только казаки, теперь делилась на одинаковых правах, по количеству едоков, на всех — и на казаков и на иногородних.

Ходил в толпе и Сашка, сын почтового конюха. Он то и дело перевязывал узлы на верёвках, которыми к его ногам были привязаны отцовские башмаки. Они были ему не по ноге, а размокший от дождей чернозём всё норовил сорвать их с ног.

— Дождались светлого праздничка... Смилостивился господь бог над нами... — истово крестясь, восторженно шептал дед Сивоусенко, Сашкин сосед.

— Держи, дед, карман шире... — подтрунивал над ним кузнец Симанюк. — Смилостивился бы он, кабы мы его вместе с царём да буржуями за бороду не схватили. А молитве я тебя, дедушка, новой научу. Слушай:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Сашка бросил возиться с верёвками и звонко пропел:

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

— А чтоб тебя!.. — отмахнулся от него дед. — И он уже по-новому поёт... Ну и времена!..

Ворчал дед Сивоусенко, но по глазам его видел Сашка, что по сердцу старику новые времена.

Техника раздела земли была не сложная: кто-нибудь запускал руку в мешок, вытаскивал скатанный в трубочку жребий и выкликал:

— Иваненко!

Председатель ревкома смотрел в список и объявлял:

— У Иваненко Макара Петровича четыре едока...

И вот Иваненко брался за конец стальной рулетки и шёл за землемером по своей земле, отмерять надел. И сердце от волнения колотилось у Иваненко так, что стальная лента вздрагивала.

За пять дней исходил Сашка не один десяток вёрст. Разделили Макруху и Дальние Грушки, нарезали земли на низах, а Сашкиного жребия всё не было.

— Не было? — как-то робко спрашивал вечером отец.

— Не было...— отвечал Сашка и вздыхал. — Да чего ты, папаня, боишься? Если даже наш жребий останется в мешке до самого последнего отмера, всё равно будет... Это тебе не старый режим!

— Так ведь где достанется-то... — волновался отец. — А ежели на Гнилом куту, на солончаке? Что там расти-то станет?

— О, сказал!.. Да тот кут и делить-то не будут, — сердился Сашка. — Председатель говорил...

Председатель об этом ничего не говорил, но Сашка так понимал: не может советская власть делить Гнилой кут.

Так и было. Не делили Гнилой кут. Прошли его. И вот тут-то и выкликнул дед Сивоусенко Сашкину фамилию. Сашка слышал, а ответить «тут я» не смог: онемел вдруг. Язык прилип к нёбу, горло перехватило, как от простуды.

— Тут он, тут! — пробасил за него Симанюк. — Вот он, меньшой Шестак, — добавил кузнец и толкнул Сашку в спину.

Непослушными руками схватил Сашка конец ленты и пошёл по своей земле.

А когда все ушли дальше, осмотрелся Сашка, сел на меже и заплакал.

— Чего ревёшь? — сердито спросил его невесть откуда взявшийся Симанюк.

— Боюсь... Потерять землю боюсь... — всхлипывал Сашка.

— Вот дурной-то, вот дуралей!.. Да как это можно при советской власти-то землю потерять? Сам не знаешь, что болтаешь.

Солдатской маленькой лопатой выкопал Симанюк на Сашкином наделе здоровенную букву «Ш», а рядом ещё ямку.

— Точка, сынок... Пускай кто попробует отнять теперь эту землю! — Кузнец поднял лопату и потряс ею в воздухе. — Навеки наша — и точка!

Сашка посмотрел на лопату, на руку кузнеца страшенной силы и совсем уже весело крикнул:

— Навеки наша, и... точка!

Помощник деда Матвея

Олег БЕДАРЕВ

Рис. А. КОРОВИНОЙ

В леспромхозовском посёлке, одиноко стоявшем в глубокой тайге, вовсе не было скучно, как это может думаться жителю большого города. Человеку не может быть скучно, если у него есть своя работа, свои занятия и обязанности. А в посёлке у каждого находились дела.

Взрослые мужчины работали в лесу, дети учились в школе, читали книжки, слушали радио, купались летом в крохотной речушке, а зимой катались на санках, на лыжах и на коньках. Мамы готовили обед, учили ребятишек в школе, лечили больных. Тетя Лида, например, привозила кинокартины и два раза в неделю показывала их в рабочем клубе.

Дед Матвей не лечил детей, не работал в лесу и даже не имел никакого отношения к кино. Он был старенький и возил воду в рабочую столовую.

Жил дед Матвей там же, возле столовой, в небольшой комнатушке. Ни родных, ни близких у него не было. Может быть, оттого и стал он малообщительным, неразговорчивым человеком. Он добросовестно работал: возил воду, помогал в столовой по всяким делам и, когда требовалось, ездил то на базу, то в контору леспромхоза.

Как-то лесорубы принесли из тайги медвежонка. Они спустили его в столовой на пол, и сразу вокруг маленького зверя, пугливо сверкавшего бусинками чёрных глаз, собрался народ. Малышу присвоили имя Мишка, и каждый предлагал Мишке что-нибудь: кто хлеба, кто морковку, кто сахар. Но медвежонок ничего не принимал и только начал мелко дрожать всем телом, хотя в столовой было жарко.

— Пропадёт он у вас эдак-то, — грустно покачал головой дед Матвей, стоявший тут же в толпе. — Дай-ка я его накормлю.

Он наклонился, взял Мишку на руки, как ребёнка, и понёс в свою комнатушку, куда никого не пустил. Потом все видели, как он вышел и вернулся с бутылкой молока. Ребята, смотревшие через окно в комнату деда Матвея, рассказали, что медвежонок сосал молоко из бутылки с красной резиновой соской на горлышке.

Лесорубы сначала хотели было забрать медвежонка, но посудили, порядили и, наконец, решили, что, пожалуй, у водовоза Мишке будет лучше, чем в любом другом месте. Так Мишка и остался у деда Матвея. Скоро медвежонок научился сосать молоко, смешно стоя на задних лапах, передними держа бутылку и закидывая круглую лохматую голову с потешными маленькими ушками.

Мальчишки осаждали деда Матвея, приносили всякую всячину, но водовоз оберегал своего питомца и, кроме сахара и молока, ничего ему не давал.

— Он ещё дитё малое, — говорил во-

довоз ребятам, — чуть что, живот заболит — и конец...

Жители посёлка быстро привыкли к маленькому Мишке, и только животные не признавали лесного обитателя. Лошади пугливо озирались, чуя запах опасного зверя, кошки в панике забирались на заборы, собаки злобно хрипели.

Первой признала Мишку старая Туча. Она привыкла доверять своему хозяину — деду Матвею — и, видя, что тот ласков со зверёнышем, приняла его без опаски. Сначала она относилась к Мишке равнодушно, а потом стала даже замечать его отсутствие. Едут они, бывало, за водой: Туча тянет повозку, дед Матвей сидит возле бочки, а Мишка ковыляет рядом. Отстанет медвежонок — и Туча оглядывается, чтобы посмотреть, куда девался третий непременный участник рабочего звена.

— Что глядишь, что глядишь? — заворчит дед Матвей. — Куда он денется? Прибежит. Некуда ему теперь деваться...

Качает старик насос, а Мишка тут же бегает, воду пьёт или пытается забраться на колодезную стойку.

— Не лезь, обломишь, — шумнёт дед Матвей, отгонит Мишку, и тот опять крутится около колёс или под мордой у Тучи.

Помаленьку привыкли к Мишке и собаки, и лошади, и коровы в посёлке. Подрос и медвежонок, его уже не так просто было обидеть. Научился Мишка выпрашивать сахар, подходя к человеку на задних лапах и кивая головой, научился дверь открывать в сараюшке, где ему было определено место для ночлега. Но ещё научился он качать воду из колодца.

Дед Матвей качает воду, а Мишка играючи схватится за деревянный рычаг, навалится и давит книзу.

— Да ты что, разве я тебя осилю? — шутливо заругается на Мишку водовоз. — Нет чтобы помочь старику!..

И Мишка помаленьку научился нагибаться и распрямляться вместе с рычагом. Дед Матвей отойдёт и смеётся:

— Ну вот, то-то, работай, помощник!

Медведь обернётся, на своего друга поглядит и вроде понимает ласку. Качает ещё пуще и радуется, что вода в бочку бежит. Так у них дело и пошло: приедут на колодец, Туча стоит смирнёхонько, дремлет, Мишка воду качает, а дед Матвей тем временем цигарку скрутит, выкурит не спеша. Глядишь — и бочка полная. Едут обратно.

Как-то возле столовой заспорили рабочие с дедом Матвеем, что Мишка с Тучей нипочём не привезут воды одни, без него.

— Отчего не привезут? — спокойно возразил водовоз. — Привезут!

Запряг Тучу, привязал вожжи к телеге, выехал на улицу и пустил лошадь одну. А сам сел на ступеньку крыльца. Лошадь пошла к колодцу, а Мишка растерялся. Кинулся назад, заворчал, головой замотал: пойдём, мол, чего сидишь?

Видит, что водовоз не поднимается, побежал обратно за повозкой. Туча привычно остановилась под трубой колодца. Мишка подскочил и принялся качать воду. Народ хохочет, с дедом Матвеем шутит:

— Ну что ж, Матвей, вырастил помощника, теперь сиди да покуривай.

А тот и сам улыбается: рад, что Мишка справился один со своей работой. Медведь вроде тоже понял, что им довольны: качает, да так старательно, что скоро вода из бочки через верх побежала.

— Поворачивай обратно! — кричит дед Матвей, и Туча, услышав голос хозяина, неторопливым шагом пошла к столовой.

С тех пор Мишка сам стал воду возить. Сначала в шутку, а потом всерьёз освобождая деда Матвея для других дел. Мало ли всякой работы в столовой: надо и картошку почистить, и рыбу, надо дров принести, и под котлом огонь держать.

На следующее лето Мишка уже так исправно работал, что если случалось деду Матвею задержаться и не запрячь повозку вовремя, то Мишка ходил за ним по пятам и недовольно ворчал. Работал он аккуратно и наливал бочку, пока вода не текла через край, только тогда направлялся обратно, а Туча шагала за ним.

— Каждый к своему делу приставлен, — говаривал дед Матвей, глядя, как Мишка и Туча идут на колодец или возвращаются обратно.

И вот однажды несколько озорных ребятишек решили подшутить над Мишкой. Улучили минутку, когда медведь и лошадь направлялись к колодцу, подошли к бочке сзади и вытащили затычку.

Водовозы, как всегда, подъехали к колодцу. Туча остановилась, а Мишка принялся работать рычагом. Вода бежит, Мишка усердно трудится, не понимает, что, сколько бы он ни качал, вода всё равно выливается из бочки на землю.

Озорники следят со стороны и смеются над бесполезным упорством медведя. А тот знай качает. Оглянется — не течёт через край, ну и опять качает. Потом стал Мишка нервничать. Рычит, крутит глазами, озирается сердито на бочку. Бросил качать, взобрался на повозку, сунул лапу в отверстие, заглянул в бочку — пусто!

Заревел он страшным голосом, напустился на бочку, и вмиг от неё полетели щепки. Даже привычная Туча и та испугалась необыкновенного поведения своего спутника и рысью побежала к столовой.

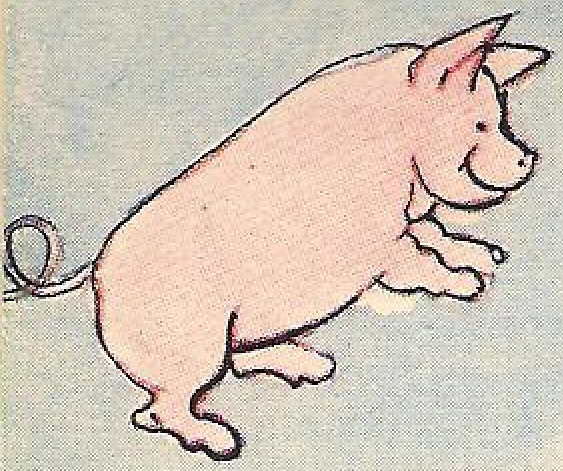
А медведь орудует на повозке, ломает бочку, раскидывает доски. Тут какая-то собачонка залилась лаем и подкатилась к телеге. Мишка увидел её, соскочил, поймал и тут же разорвал. На шум выскочил народ. Дед Матвей сообразил, в чём дело, кинулся к медведю. Едва-едва успокоил своего помощника.

Народ кругом стал говорить, что нельзя дикого зверя среди людей держать, он всякого натворить может и детишек может порвать. Никто же не знал, по какой причине Мишка пришёл в такую ярость. Ребятишки только много позже признались в своей проделке.

Деду Матвею пришлось расстаться со своим помощником. По-прежнему они вдвоём с Тучей ездят за водой.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Ты некстати дождик льёшь
Словно из ведра.
Торопиться должен ёж —
На урок пора.



АНГЛИЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Давным-давно, давным-давно,
Когда свинья пила вино,
Табак в тени лианы
Курили обезьяны,
А куры — вот чудачки! —
Клевали тот табак,
А лапчатые крячки
Кричали: «Кря, кря, кря!..»

Птицы со всего света слетелись к сороке и попросили её научить их вить гнёзда. Ведь сорока искуснее всех вьёт гнездо!

Вот собрала она птиц вокруг себя и начала показывать им, что да как надо делать. Прежде всего она взяла немного грязи и слепила круглую лепёшку.

— Ах, вот как это делается... — сказал дрозд и полетел прочь.

С тех пор дрозды так и вьют свои гнёзда.

Затем сорока раздобыла несколько веточек и уложила их по краю лепёшки.

— Теперь я всё понял, — сказал чёрный дрозд и улетел.

Так чёрные дрозды и поныне вьют свои гнёзда.

Потом сорока положила на веточки ещё один слой грязи.

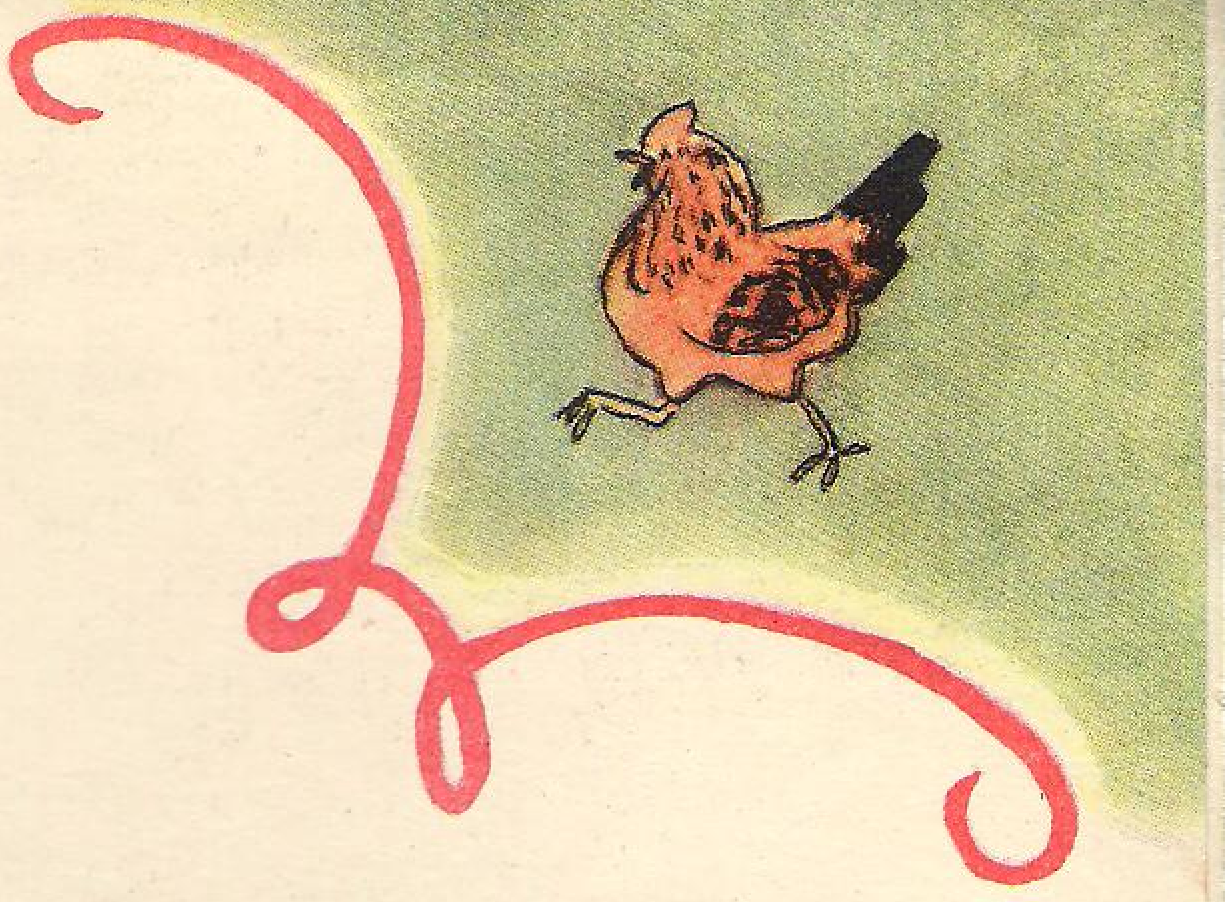
— Всё ясно, — сказала сова и полетела прочь.

С тех пор совы так и не научились вить лучших гнёзд.

А сорока взяла несколько веточек и обвила ими гнездо снаружи.

— Как раз то, что мне надо! — обрадовался воробей и упорхнул.

Поэтому и до нынешнего дня воробьи вьют свои гнёзда вот так неряшливо.



Ну, а сорока раздобыла пёрышек и тряпочек и выложила ими всё гнёздышко.

— Это мне нравится! — воскликнул скворец и полетел прочь.

И в самом деле, у скворцов очень уютные гнёзда.

Так всё и шло: посмотрят-посмотрят птицы, до конца не досмотрят и улетают одна за другой.

А между тем сорока всё работала и работала, не глядя ни на кого. И вот осталась одна-единственная птичка — горлица. А надо вам сказать, что горлица эта и внимания не обращала на то, что делала сорока, и лишь без толку твердила:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

В конце концов сорока услышала это как раз, когда укладывала поперёк гнезда веточку, и сказала:

— Хватит и одной!

Но горлица продолжала твердить:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

Сорока рассердилась и сказала:

— Хватит и одной, говорю же тебе!

А горлица опять своё:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

Тут сорока огляделась по сторонам и видит: рядом никого, кроме глупой горлицы. Сильно разгневалась сорока и улетела прочь. И в другой раз уж не захотела учить птичек, как надо вить гнёзда.

Потому-то разные птицы и вьют свои гнёзда по-разному.

Пересказала **Н. ШЕРЕШЕВСКАЯ**

РАСКЛАДНОЕ ЯЙЦО

Н. СЛАДКОВ

В летние каникулы я путешествовал с моим другом Петей. Путешествие наше удавалось на славу. И вдруг кончились продукты. Я так расстроился, что заговорил стихами.

— Ну-ка, Петь,
Ты мне что-нибудь ответь, —

забормотал я. И вывернул наизнанку пустой рюкзак.

Ничего не ответил Петя. Только показал рукой вниз под гору. Под горой озеро, из озера вытекает река.

Мы поняли друг друга.

Сверху озеро похоже на огромное синее яйцо. Но пока мы к нему спускались, озеро меняло цвета. То вдруг стало зелёным, к вечеру — жёлтым, а на самой вечерней зорьке — красным. Будто это было не простое яйцо, а ещё и раскладное: в синем лежало зелёное, в зелёном — жёлтое, а в жёлтом — красное.

— Вот здорово! — радовался я.

Но Петька сердился и торопил меня.

— Таким яйцом да твоими стихами сыт не будешь, — бурчал он.

К озеру мы спустились уже в темноте. Закинули на ночь удочки-донки. Крючки наживили большими лягушками: уж поймать, так чтоб хватило!

Ночью крючок с лягушкой схватил сом. Да здоровенный! Замучились с ним. Пока вытащили — солнце поднялось. Совсем мы отощали. А сомина жирный, чёрный, блестит. И с усами.

— Это, брат, тебе не раскладное яйцо, — дразнит Петька.

— Подожди, — говорю, — дай посмотреть.

Чёрный сом, а брюхо у него светлое. И такое брюхо толстое да жирное, так и хочется по этому мягкому брюху ладонью шлёпнуть. Я шлёпнул и чувствую: есть что-то в брюхе!

Разрезали мы чёрного сома, а у него внутри коричневый налим. И тоже хорош — с локоть. Свежий совсем: недавно, видно, попался. Налим весь в мутных пятнах, а брюхо, как у сома, светлое и тоже раздуто. Разрезали налиму брюхо. В брюхе у налима уж. Ужишка не очень большой, с карандаш. Серый, с оранжевыми пятнышками на затылке. А посредине будто узелок — тоже кого-то проглотил. Разрезали. Рыбка, краснопёрка серебряная, плавнички красные. У краснопёрки в желудке мошкара разная, кузнечик. У кузнечика тоже в желудке что-то есть, не разобрать только — что.

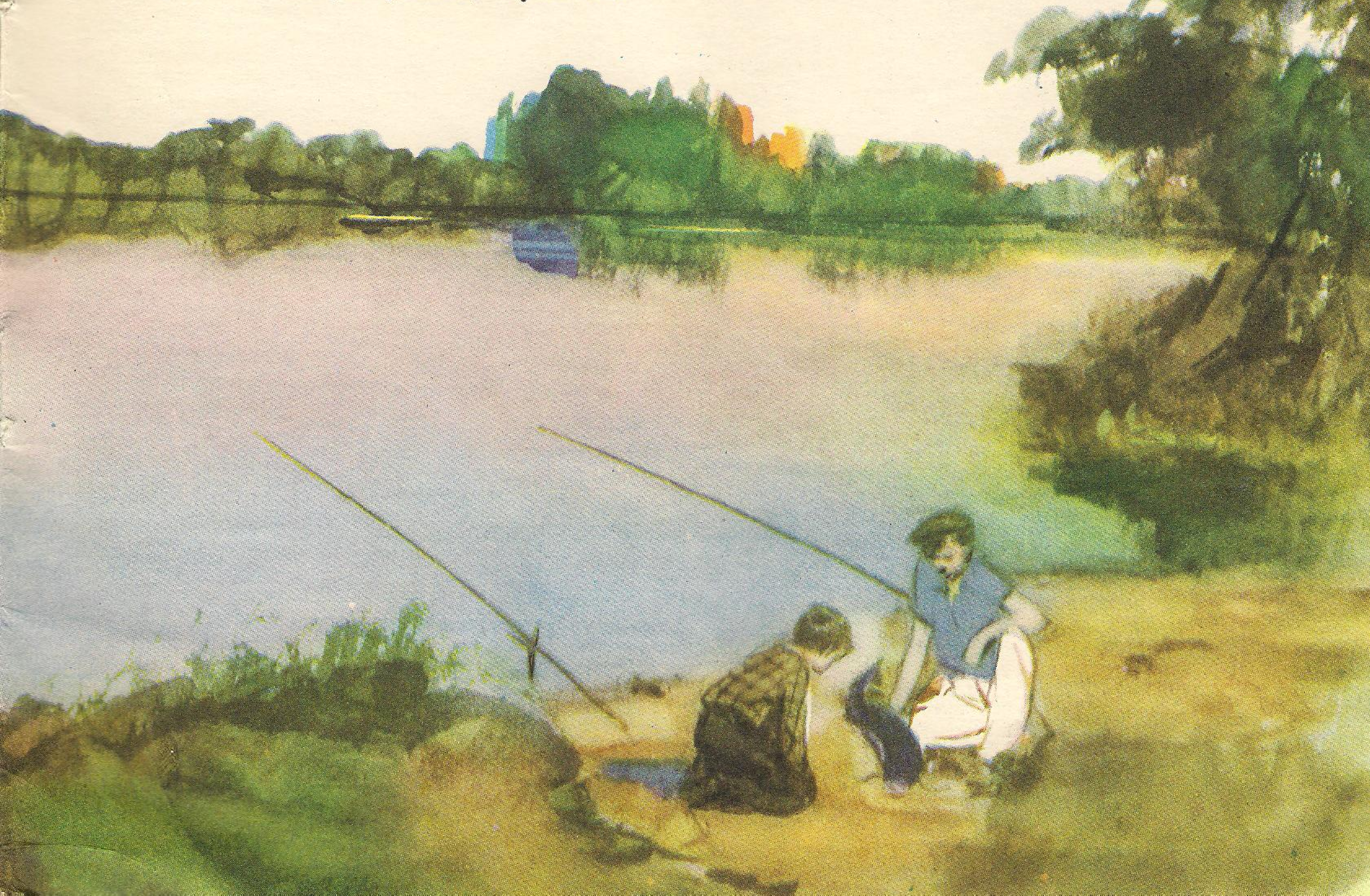
— А яйцо-то всё-таки раскладное! — кричу я. — В озере — сом, в соме — налим, в налиме — уж, в уже — рыбка, в рыбке — кузнечик, в кузнечике — трава. — От удивления я опять пробормотал что-то вроде стиха:

— А сейчас Петро
Это съест и то.

— Чур! — закричал Петька. — Я не раскладной!

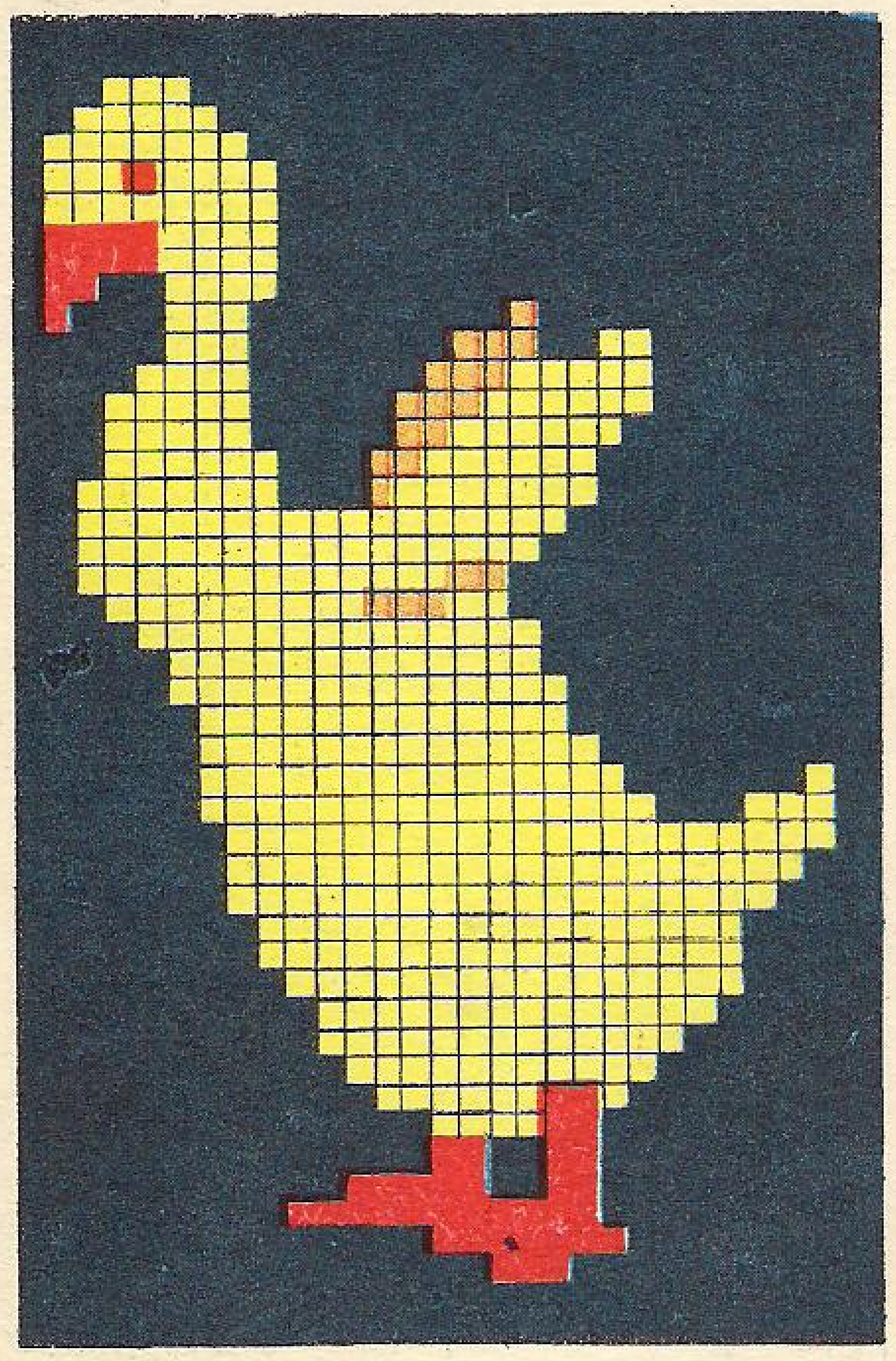
Сложил он на лопушок налима, ужа, плотву, кузнечика и всё это выбросил назад в озеро.

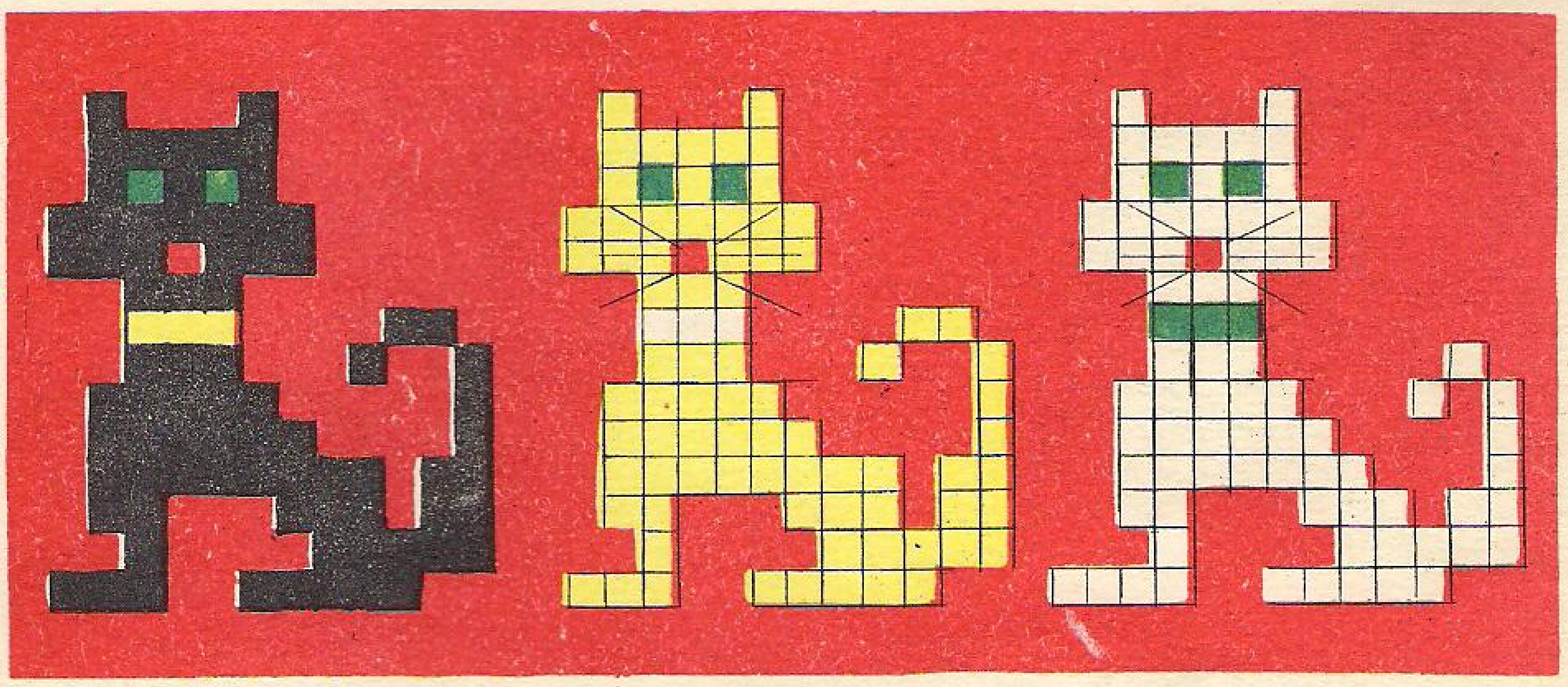
А сома-то мы, конечно, съели.



РИСУНКИ
ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ ДВОЙНЫМ КРЕСТОМ

Рис. М. ЗОТОВОЙ

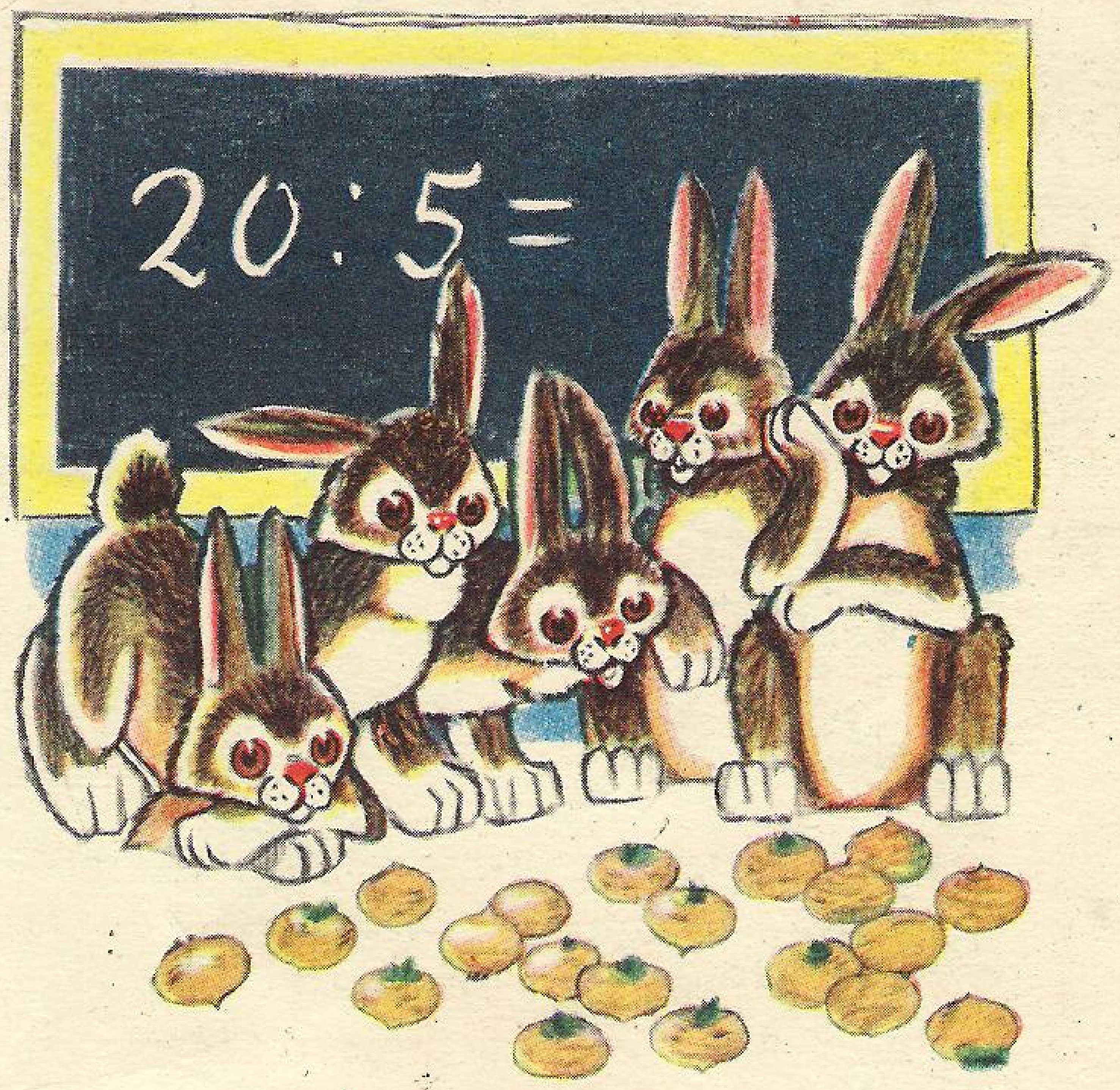




СОСЧИТАЙ

Екатерина КАН

Пять зайчат сидят в углу,
Чистят репу на полу,
Насчитали двадцать штук,
Как делить — забыли вдруг.
Мамы с папой нет нигде.
Помоги-ка им в беде!



Три большие галки
Шли домой с рыбалки.
В сумке каждая из них
Пять сельдей несла больших.
Сельди засолили,
Сосчитать забыли.

На обложке рисунок А. ЕРМОЛАЕВА

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), Ю. КОРИНЕЦ, М. КОРШУНОВ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать третий **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подписано к печати 28/VIII 1957 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1724

Адрес редакции и типографии „Красное знамя“ изд-ва „Молодая гвардия“: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

Рис. Е. ***НЕЦКОЙ***

Мохнатые жуки-типографы наделали в сосновой коре ходов-выходов. Войди в них снизу и проберись в самое сердце так, чтобы ни разу не уткнуться в глухую стенку.

Торопись! Жуки всех цветов уже стали в хвост. Они тоже хотят попробовать решить эту задачу.

Вит. ***БИАНКИ***